

Важной особенностью настоящей работы является широкий комплексный подход, когда одежда рассматривается не только как этнографическая реалья, а тесно увязывается с различными сторонами социальной действительности и духовной жизнью. Работа подводит итог многолетнему изучению древней и средневековой одежды восточноевропейских народов и определяет важные в методологическом отношении принципы для последующих исследований материальной и духовной культуры. Выявленное в ней вариативно-типологическое многообразие народного костюма является существенным вкладом в изучение традиционной культуры и позволяет глубже понять и оценить национальные традиции, закономерности их становления, взаимодействия, развития. Значение работы трудно переоценить. Являясь фундаментальным исследованием, она уже стала настольной книгой этнографов и всех, кто соприкасается с богатым наследием советской многонациональной культуры.

В. С. Титов

¹ Молчанова Л. А. *Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв.* Минск, 1981.

НАРОДЫ СССР

Этносоциальные проблемы города. М., 1986. 285 с.

Приступая к обсуждению настоящей работы, авторы отдают себе отчет в том, насколько непроста задача ее анализа и интерпретации. Монография уже при первом прочтении вызывает столь неординарные впечатления, что возникает искушение отнести ее к разряду этноурбанистической литературы, дающей принципиально новое представление об этносоциальной природе современного города.

Справедливости ради заметим, что в науке накоплен определенный опыт изучения этнических аспектов городских форм жизнедеятельности как с позиций этносоциологии¹, так и в рамках того, что принято называть традиционной этнографией². Впрочем, и сам руководитель авторского коллектива О. И. Шкаратан является социологом-урбанистом. История этнографического и этносоциологического изучения современного города насчитывает немногим более четверти века. И едва ли этот период можно назвать «золотым веком» этноурбанистики. Несмотря на появление интересных исследований и постепенное накопление эмпирического материала, город продолжал и, увы, продолжает оставаться на периферии научного внимания. О том, что тема города еще не заняла в этнографии и этносоциологии подобающего места, свидетельствует не только арифметический подсчет доли работ, посвященных урбанистическим проблемам, хотя и это немаловажный показатель. Существеннее то, что в теории, а соответственно и в эмпирических исследованиях недооценивается роль городов как фактора этнического развития, как неотъемлемой стороны бытия этноса. Так, например, фундаментальный труд «Русские. Историко-этнографический атлас» (М., 1967), который, вероятно, по замыслу призван представлять традиционную культуру русского этноса в середине XIX — начале XX в., описывает только ее крестьянский слой, игнорируя городскую культуру и ее влияние на культуру крестьян.

Отсутствие общей этноурбанистической теории, этнографической школы урбанистики сказывается не только на невнимании со стороны этнографов, специально не занимающихся проблемами города, к факту городского влияния. К сожалению, для большинства работ, посвященных городским сюжетам, характерно осмысление явлений действительности по преимуществу на эмпирическом уровне, без попыток теоретических обобщений. Очевидно, что научное исследование этносоциальных проблем города существенно отстает от темпов и динамики процессов урбанизации современного советского общества. В настоящий момент этнографы едва ли могут утверждать, что они ясно представляют себе закономерности существования и развития городской этносоциальной среды. Изучение различных сторон города, полезное само по себе, еще не дает целостного понимания механизма городской жизнедеятельности как фактора и одновременно как поля этнического развития. Тем более затруднительно на имеющейся ныне основе делать сколько-нибудь долгосрочные прогнозы.

Мы далеки от мысли оценивать все достигнутое этнографами и этносоциологами в области урбанистики только со знаком «минус». Отметим, кстати, что и авторы данной рецензии так или иначе занимались проблемами города. Суть высказанных замечаний — в другом. Для нас несомненно, что современная реальность настоятельно требует преодоления устоявшихся исследовательских стереотипов и образцов. Именно сейчас остро ощущается потребность в выходе на новый уровень осмысления многих, в том числе и этноурбанистических, проблем.

В этом отношении анализируемая книга, несомненно, представляет собой этап в изучении города. Прежде всего обращает на себя внимание стремление органично включить этнические аспекты в качестве составляющего элемента в социолого-урбанистическую теорию среднего уровня. Работа в теоретическом и методологическом отношении хорошо вооружена, терминологически организована. Согласно представлению авторов (разумеется, в конспективном изложении), город

являет собой целевую систему, специфическую территориальную форму организации общественного производства вещей и людей (с. 33). Город, таким образом, выступает не как абстрактно-обобщенная единица, способная вызвать интерес исследователей по тем или иным частным проблемам, а как территориальная общность, обладающая свойствами целостности, относительной самостоятельности, неделимости по функциональному назначению, т. е. содержащая в себе качества системы.

Подобный подход не имеет в работе характера декларативности, а находит свои (более или менее адекватные друг другу) теоретическую и инструментально-эмпирическую формы выражения. Авторы упорядочивают и связывают в систему признаков черты, отражающие такие категории и явления, как первичная территориальная общность (равно городская территориальная общность), городской образ жизни, уклад жизни. Принципиально важной представляется попытка авторов выявить место национально-особенного в системе связей и отношений внутри городской территориальной общности. И в этом смысле особый интерес вызывает обсуждаемое понятие — «психо-общественная инфраструктура города», трактуемое как совокупность разнообразных сторон жизнедеятельности города (в монографии упоминается по меньшей мере семь из них), которые имеют для горожан социально-культурное значение и формируют их как личности (с. 41—43). Этническая специфика в данном случае выступает уже не только как визуально наблюдаемый местный колорит, а как элемент социально-психологической инфраструктуры города, проявляющейся, в частности, в системе отношений между социальными группами, в функционировании средств массовой информации, в характере вовлеченности горожан в действие учреждений города и т. д.

Вероятно, высказывая мнение о том, что всякая или почти всякая сфера существования территориальных общностей на уровне их функций и структуры несет в себе элемент этнической определенности, мы близки к позиции авторов, полагающих, что этнически специфичное присуще производственной и внепроизводственной деятельности горожан, она проявляется в архитектурном облике городов, в ритмах повседневной жизни, в манере общения (с. 57, 61).

Такой широкий и нетривиальный подход к этническим (этносоциальным) проблемам позволяет, на наш взгляд, избежать расчлененно-несвязанного восприятия множества явлений, выстраивая их в систему причинно-следственных связей и отношений, что далеко не часто встречается в работах, посвященных этноурбанистическим сюжетам. Вместе с тем концепция авторов монографии обнаруживает и свои неразработанные стороны. Образно говоря, в ней еще слишком заметны «швы» между этнографическим и социологическим подходами в осмыслении поставленных проблем. В работе угадывается непростой и не всегда бесспорный процесс стыковки понятийного, методического и концептуального аппаратов обеих дисциплин. Показательным в этом смысле представляется мнение авторов об урбанизации как о внешнем по отношению к этносам факторе. С этой точки зрения город выступает в качестве общности, «перемалывающей» этносы, в которой доминируют процессы гомогенизации. Этническое же присутствует в городской среде как самостоятельный элемент. Такая позиция имеет полное право на существование, но, вероятно, как одна из ступеней восхождения от абстрактного к конкретному. Думается, эффективен и другой подход, а именно — с позиции собственно этноса, когда урбанизация рассматривается через этносы и внутри них. Если в первом случае принципиально важным кажется выявить место и определить «вес» национального в общесоциальном контексте³, то во втором случае выдвигается задача изучения роли города в судьбе этноса. Город, таким образом, выступает и фактором формирования более крупных и развитых этносов, и формой их существования. А национально-особенное существует не как самостоятельный структурный элемент, а как внутреннее свойство, момент, растворенный в различных структурах, составляющих территориально-поселенческие среды. В их числе города являются «сгустками» национальной культуры.

Возвращаясь к центральному понятию «первичная территориальная общность», хотелось также обратить внимание на следующее. Согласно справедливому утверждению авторов, «системообразующей функцией первичной территориальной общности является устойчивое социально-демографическое воспроизводство индивидов» (с. 21). Однако следует заметить, что процессы социально-демографического воспроизводства связаны не только с территориальным срезом структуры общества. Они протекают и в совокупностях, выделенных по некоторым иным основаниям. Одно из центральных мест в этом отношении занимает этническая структура. В связи с этим правомерно поставить вопрос, каким образом сопряжены территориальные общности (о которых пишут авторы книги и в реальном существовании которых у нас нет сомнений) и этнические общности, проживающие на той же территории. Имеются многочисленные факты, свидетельствующие о том, что живущие на одной территории представители разных национальностей тяготеют к различным городским центрам. Например, значительная часть армян, живущих в Азербайджане, тяготеет к городам Армении, русские Чувашии в известной степени — к крупным промышленным центрам за пределами республики (Горький, Казань, Ульяновск). Построенные для каждой национальности границы территориальных общностей при сопоставлении могли бы дать существенно различающиеся контуры.

Весьма богатый набор теоретико-методологических «находок» вызывает повышенный интерес к эмпирической части исследования. Здесь прежде всего возникает вопрос о том, в какой мере решены, опробованы общие положения и гипотезы на конкретном массовом этносоциологическом материале. Эмпирические данные распределены по четырем направлениям: анализ этносоциальной структуры, внепроизводственной деятельности горожан, социально-демографического воспроизводства городской общности и, наконец, этнодисперсной городской группы. Объектом исследования стали татары и русские городов Татарской АССР и этнодисперсная группа татар Ленинграда.

Нет необходимости освещать все сюжеты и направления анализа предлагаемого материала. Их в монографии немало. Отметим, что авторы оперируют с помощью современного методического

аппарата разнообразными характеристиками соответствующих структур и видов деятельности. Высоким профессионализмом особенно отличается вторая часть работы — «Интеграционные процессы в полиэтнической городской общности» (авторы — О. И. Шкаратан, Г. В. Еремичева, А. М. Коршунов, Г. В. Каныгин). Увлекают ход размышлений, композиционный строй, методические приемы. Вместе с тем по прочтении монографии возникает некоторое ощущение интеллектуального дискомфорта. Он вызван тем, что ряд теоретических идей, привлекающих наибольший интерес, все-таки не нашел своей развернутой интерпретации в эмпирическом разделе. Так, в первой части обсуждается проблема этносоциального среза производственной деятельности, эмпирического изучения особенностей организации и управления в процессе труда, межличностных отношений работников, качества и дисциплины труда. В свою очередь, конкретному анализу подвергается только социальная структура русских и татар. Авторы монографии ставят также актуальный вопрос о национальной специфике городов с их организацией системы расселения, архитектурным обликом, ритмами повседневной жизни (с. 61) и обходят его молчанием в исследовательской части. Разумеется, было бы чрезмерным требовать от авторского коллектива разработки всех сформулированных положений. Заметим, однако, что теоретическая часть, не во всем соответствующая эмпирической, опережает ее и выглядит более новаторской.

Весьма своевременной кажется постановка проблемы этнической специфики городского образа жизни. В чем она состоит? Вопрос этот отнюдь не риторический. Всякому исследователю, занимающемуся этнокультурными процессами, особенно современными, известно, насколько бывает трудно уловить и выразить с помощью эмпирических индикаторов национальное своеобразие городской среды. Авторы демонстрируют этническую специфику на показателях внепроизводственной деятельности и социально-демографическом воспроизводстве горожан. При операционализации и эмпирическом «замере» внеуродовой деятельности (авторы — О. И. Шкаратан и Г. В. Еремичева) использовались интегральные характеристики, выделенные на основе типологизации и классификации существенных типических сторон (родов, видов) образа жизни татар и русских Казани, Альметьевска, Мензелинска (см. с. 94—112). Один из основных выводов состоит в том, что «по определяющим интегральным показателям, отражающим структурные характеристики образа жизни, наблюдается полное совпадение и в количественном, и в качественном отношении» (с. 159). Оспаривать это заключение в целом нет оснований. И все же логика и результаты исследований дают повод для размышлений. Опыт оперирования обобщенными характеристиками показывает, что они во многом проясняют картину, но в известной мере и искажают ее. Априорно можно допустить, что в своих существенных сторонах, таких как психофизиологическое обеспечение, общение, демографическое воспроизводство, культурно-познавательная деятельность, различные этнические общности (и не только проживающие на одной территории) имеют много общего. Существующее своеобразие в поведении, жизнедеятельности этносоциальных групп, во всяком случае в современном городе, эмпирически измеримо лишь при весьма детализированном изучении. Чем обобщеннее типологическая классификация, тем менее выражено этническое своеобразие, тем выше показатели социальной, культурной и иной однородности. Думается, в подобной «растворенности» проявляется устойчивость этнического, его способности сохраняться в тех или иных формах в условиях урбанизации, придавая неповторимость, конкретность типологически однородным явлениям.

Кроме того, при работе с интегральными показателями следует постоянно иметь в виду, что во многих случаях за их равенством может скрываться глубокое структурное различие. Интегральные меры связи между качественными признаками такого рода, как использовавшийся в исследовании коэффициент Чупрова, носят оценочный характер, и сопоставление значений этого коэффициента с точностью до тысячных долей вряд ли имеет смысл. Тем более недопустимо сравнивать значения этого показателя, вычисленные по совокупностям разной численности, ввиду того, что уровни значимости в данном случае различны.

Коль скоро речь зашла о методике, хотелось бы обратить также внимание на следующее. Выделение социальных слоев, к которым принадлежит обследованное население городов Татарской АССР, осуществлялось в соответствии с группировкой профессий. Последняя в свою очередь производилась путем экспертной оценки отдельных характеристик профессий по предложенным для этой цели шкалам. Полученные таким образом числовые оценки для каждой профессии перемножались, а произведение рассматривалось как индекс характера труда для данной профессии. На основании распределения значений таких индексов для всех рассматривавшихся профессий и строилась группировка (с. 94—100). Однако авторы этого метода не учли, что шкалы, относящиеся к разным характеристикам, имеют неодинаковое число градаций. По этой причине отдельные показатели входят в индекс характера труда с неодинаковыми весами, что по сути не должно следовать ни из постановки задачи, ни из каких-либо априорных рассуждений. На наш взгляд, нежелательного эффекта можно избежать, применив нормировку значений отдельных характеристик.

К сожалению, в книгу вкрались и фактические неточности. Так, вызывает возражения высказанная на с. 226—227 мысль о том, что у татар рождаемость выше, чем у других современных им народов европейской части СССР. Данные переписи 1926 г. свидетельствуют о сходстве репродуктивного поведения народов Поволжья еще в 20-е годы XX в.⁴ Автор же в подтверждение своей идеи ссылается на работу, где речь идет о других вещах (см. ссылка № 8 на с. 226). В отдельных случаях имеет место некорректная интерпретация статистического материала. Например, анализируя зависимость между уровнем образования и принадлежностью к этнической группе, Г. В. Старовойтова приходит к выводу о более высоких показателях уровня образования для касимовских татар (с. 222—223). Однако если данные, представленные в процентах, выразить

з абсолютных числах, это различие окажется статистически незначимым ввиду малой наполненности соответствующих групп.

Вместе с тем ясно, что имеющиеся сбои (в общем досадные для труда столь высокого уровня) носят непринципиальный характер. Несомненные достоинства предлагаемой читателям монографии — в ее высокой познавательной ценности, поисковой направленности. Сформулированные в ней теоретические идеи, без сомнения, окажут продуктивное влияние на дальнейшие этноурбанистические изыскания.

Т. С. Гузенкова, А. Д. Коростелев,
В. В. Пименов

Примечания.

¹ См., например: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М., 1973; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М., 1980; Рукавишников В. О. Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды). М., 1980; Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М., 1986.

² См., например: Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX в. М., 1971; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

³ Авторы монографии формулируют и ставят на обсуждение и этот вопрос (см. с. 43).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. М., 1928. С. 242—243.

М. К. Азадовский. Сибирские страницы: Статьи, рецензии, письма / Сост., автор предисл. Яновский Н. Н., Иркутск, 1988. 336 с.

К столетию со дня рождения одного из крупнейших советских фольклористов, этнографов, краеведов, литературоведов, библиографов, доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей СССР М. К. Азадовского (1888—1954) в Иркутске вышел сборник его статей, рецензий и писем «Сибирские страницы», подготовленный Н. Н. Яновским.

Н. Н. Яновский — современный исследователь произведений писателей-сибиряков — замыслил создание монографии о М. К. Азадовском, много лет прожившем в Сибири и всегда высоко ценившем отчий край. В последнее время Н. Н. Яновский выступил с рядом работ о деятельности ученого¹, обширным очерком-воспоминанием откликнулся на смерть Л. В. Азадовской (1904—1984), жены ученого, посвятившей последние три десятилетия жизни его памяти и делам².

В ряду этих публикаций Н. Н. Яновского находится и вступительная статья к рецензируемому сборнику, основанная на изучении многих печатных и архивных материалов. В ней подробно рассказывается о жизни ученого, прослеживается формирование и становление его разнообразных творческих исканий. Осмысливая огромное количество первоклассных книг и статей, созданных за более чем 40 лет, автор останавливается, в первую очередь, на сибирике исследователя, составившей, по образному выражению А. Н. Турунова, «малую сибирскую энциклопедию». М. К. Азадовский был убежден, что Сибирь владела и владеет подчас нетронутыми духовными богатствами, которые должны стать всеобщим достоянием. Он решительно отвергал представление об отрыве культуры сибиряков от общерусских корней и общерусской национальной традиции.

М. К. Азадовский-сибиревед — это прежде всего, фольклорист широкого профиля (собирателем, исследователем, организатором научного процесса и разных печатных изданий, воспитателем молодых кадров), филолог, первым сформулировавший само понятие «сибирская литература» (расцененная им как часть общерусской литературы) и определивший этапы ее развития от конца XVIII в. до Октябрьской революции. Еще одно важное направление сибиряки М. К. Азадовского — библиография устной поэзии, этнографии, литературы, истории, краеведения Сибири, которую он стремился поставить на более высокий теоретический уровень. Н. Н. Яновский называет М. К. Азадовского выдающимся сибирским библиографом, усовершенствовавшим и надолго определившим задачи источниковедения родного края.

Отдельные главы вступительной статьи посвящены анализу двухтомной «Истории русской фольклористики», не утратившей своей уникальности и по сей день (здесь же рассмотрены труды по теме «литература и фольклор») и книги «В. К. Арсеньев — путешественник и писатель». Завершается вступление характеристикой роли Л. В. Азадовской в сохранении и пропаганде наследия ученого.

За долгие годы совместной жизни Лидия Владимировна вошла в круг научных интересов мужа, что позволило ей стать продолжательницей того, что сегодня с полным правом можно назвать «школой Азадовского». Благодаря энергии Л. В. Азадовской и при ее непосредственном участии в 1958 и 1963 гг. были изданы два тома «Истории русской фольклористики», долго остававшиеся в рукописи; в 1969, 1978 и 1981 гг. достоянием общественности стали письма М. К. Азадовского к многочисленным адресатам и их ответы. В книге Марка Константиновича «Статьи и письма» (Новосибирск, 1978), выпущенной в свет стараниями Л. В. Азадовской, ею было опубликовано